

Пролог

Император Всероссийский заметно волновался. Впрочем, сейчас он мог себе позволить подобную постыдную слабость, ведь в кабинете больше никого не было. И можно было ненадолго расслабиться, отпустить эмоции, побыть самим собой, человеком, а не самодержцем земли русской. Последние годы он здесь очень редко бывал. И если бы не сегодняшняя встреча... Но и в Царском Селе, куда семья переехала после рождения детей, сейчас просто невозможно находиться...

Быстрыми, размашистыми шагами Николай мерил кабинет из угла в угол, чтобы хоть как-то сбросить накопившееся волнение. Изредка этот короткий маршрут менял вектор движения — государь делал несколько шагов в сторону, приостанавливался у стола, вглядывался в лежащие на столе бумаги, выхватывал из ровной стопки листов нужный ему, вчитывался в прыгающие перед глазами строчки, не фиксируя, да, в общем-то, и не понимая прочитанного, и убирал документ назад, в ту же стопку. Механически отработанным движением ладоней выравнивал бумажный столбик, стараясь, чтобы его края лежали параллельно краям столешницы, всматривался с удовлетворе-

нием в получившийся результат и тут же забывал о нем, отворачивался и шагал к окну. Здесь император замирал ненадолго, застывал, всматривался в сырую февральскую темень за окном, которую не могли полностью развеять ни уличные фонари внизу, ни яркий свет, выливающийся из многочисленных окон Адмиралтейства. Рабочий день еще не закончился.

В этом зыбком неверном свете медленно куда-то плыли по своим важным делам серые призрачные тени прохожих, мелькали чуть более темные силуэты проезжающих автомобилей, экипажей и возков. И даже недавно выпавший снег уже не радовал глаз, потому как сразу же потемнел и смешался с уличной слякотной грязью.

А вот и то, чего ждал император, почему так нервничал и волновался — обостренные чувства каким-то чудом позволили услышать и словно бы отчетливо увидеть, как к парадному входу свернула машина с крытым верхом, проехала напрямую мимо Александрійского столпа на площади. Мазнула желтым светом фар по фасаду, развернулась боком и остановилась. Почудилось даже хлопанье дверцы авто, неразборчивые голоса и последующее за этими звуками металлическое бряцание оружия караула на входе... Мистика...

Николай развернулся лицом к входной двери и замер. Сейчас все окончательно решится. Оттого-то он так и волнуется. Только вот теперь эти яркие и сильные эмоции никоим образом не выказывались им, они привычно и тщательно спрятались где-то глубоко внутри. Но это для по-

сторонних, для чужих. Свои все равно сразу бы заметили это волнение... Да и впрямь, как ни пытайся утрамбовать это волнение, а мало что получается. Прорывается оно из глубины души, прорывается наружу, давит верх груди и щекочет горло. Да так, что кашлять хочется... И император не выдержал и на самом деле откашлялся, пока еще никого нет...

Минутная стрелка напольных часов коснулась двенадцати, и добросовестный механизм начал отбивать положенное количество ударов. Мелодичный звон не успел затихнуть, как распахнулись двери, и кабинет стремительно заполнился новыми звуками — глухим перестуком каблучков по ковровому покрытию и шорохом платья. Император вздохнул, волевым усилием задавил щекощущий и рвущийся наружу кашель, плотно сжал губы и решительно шагнул навстречу матери...

— Так вот что было в этом послании Павла... — Мария Федоровна внимательно выслушала короткий рассказ сына. Повела бровью и задумалась. Вдовствующая императрица сидела ровно, привычно не касаясь лопатками причудливо выгнутой спинки кресла. Ощутимо сгустилась тишина в кабинете. Замер дворец. Молчал и стоящий напротив матери Николай. Минутная стрелка успела медленно обежать один полный круг, второй...

Мария Федоровна выпрямилась. Пронзительно жалобно скрипнул стул, разбивая своим скрипом застывшую тишину кабинета. Императрица чуть заметно поморщилась и наконец-то

продолжила говорить, тихо и спокойно, стараясь тщательно взвешивать каждое свое слово. — Пророчество Авеля... Не понимаю, что в нем такого особенного и таинственного, что стоило вам с Аликс скрывать столько времени? Подумать только, столько лет хранить от меня его содержание... Однако, как я и предполагала когда-то, ничего нового в нем нет. *Мы* с твоим папа так и предполагали...

Последнюю фразу императрица и мать выделила весьма значимым тоном.

— И ничего не сказала мне?

— Зачем? Ты тоже промолчал. Да и о чем мы могли бы тебе рассказать? О своих догадках? Глупо... Не нужно взаимных обвинений. Об этом письме все прекрасно знали. Правда, никогда не воспринимали это послание всерьез, как, к сожалению, не воспринимали и самого Павла. Мол, очередная странная причуда твоего весьма своеобразного предка. И о содержании этого послания было несложно догадаться, стоило только сопоставить день и время его написания, предшествующий этому разговор императора с монахом-прорицателем и последующее за ним заключение этого монаха. Очередное пророчество... И несчастный предсказатель... Воистину злая усмешка судьбы — владеть подобным даром, знать судьбы людей и провести полжизни в казематах за это знание.

— Так ты считаешь, что это серьезно? Все то, что он предсказывает мне и моим детям? — выдохнул Николай. Выдохнул и замер в ожидании ответа.

— Ники, Ники... Мало ли что я считаю? Главное, что считаешь и во что веришь ты...

— Все, что он предсказывал, все сбылось...

— Не все, но большая часть. Впрочем, смотря как толковать его пророчества...

— Как толковать... — тихо повторил Николай. Замолчал, отвернулся от матери и посмотрел в темноту за окном. И после короткой паузы так же тихо проговорил куда-то и кому-то в этой темноте:

— Я решил передать трон и корону Олегу...

В кабинете повисла еще более вязкая тишина. Император молча постоял какое-то время, вглядываясь в притягательную и спасительную именно сейчас темноту за стеклом, словно стараясь самым внимательным образом рассмотреть что-то этакое, одному ему понятное там внизу. А на самом деле просто опасаясь повернуться и посмотреть матери в глаза...

— Что ты молчишь? — все-таки не выдержал этой тишины и тягучего молчания. Не выдержал и оглянулся через плечо.

— Разве тебе нужны сейчас мои слова? Ты ведь уже все решил?!

— Решил! И хочу знать, что ты поддержишь меня в моем решении.

— Скажи... Почему именно Олегу? А почему не Алексею? Не Михаилу? Кириллу? Владимировичи точно будут против...

— Говорил кое с кем... Михаил такой же, как и я. Для него на первом месте всегда будет семья. Да и отказался он от короны...

— Когда? Разве ты ему ее уже предлагал?

— Нет, не предлагал. Мама, вспомни «пророчества» твоего протезе, этого вашего «нового Авеля». Он и мне и тебе тоже рассказывал о грядущем, о наступающих событиях и переменах. Помнишь? По его словам, брат тогда через день отказался от власти... Так что нет, *пока* не предлагал. И Николаю это не нужно... Да никому из князей это не нужно! Ответственность, обуза... — с болью в голосе воскликнул император. — А Олег... Молодой, с горячим сердцем, всей юной душой стремящийся к переменам... Пожалуй, он единственный, кто не откажется сейчас от короны. А мне лучше уйти и заняться семьей. Именно сейчас, когда в стране царит всеобщая эйфория от недавних военных побед. На этом фоне Олегу будет легко провести свои либеральные реформы.

— Погоди. А с кем ты тогда говорил?

— С Аликс и с Алексеем. И с девочками.

— Ты серьезно? Или это такая жестокая шутка?

— Какая шутка, о чем ты? Все всё понимают. И Алексей... Наследник... Сколько ему осталось? Сколько отмерено лет, месяцев или часов при таком недуге? А может быть, минут?

— Все равно, нельзя же так... А как же твой долг перед Россией? Ты хозяин земли русской!

— Хозяин... — скривился Николай. — Да не нужен России ни я, ни мои дети. Ни тем более моя жена!

— Даже если ты и принял это решение, оно еще ничего не значит. Я срочно собираю всех наследников. Завтра вечером... Нет, завтра не получит-

ся. Вот послезавтра... Да, пожалуй, послезавтра мы все и соберемся. Тогда ты и озвучишь свое решение. И посмотрим, во что это твоё решение выльется... — Мария Федоровна с любопытством посмотрела на бледное лицо сына. — Почему Олег? И не жаль тебе этого мальчика? Он же ещё совсем ребенок...

— Он единственный из князей, про кого твой «протеже»... — это слово Николай специально выделил, произнес его с явственными язвительными интонациями в голосе, — не сказал ничего плохого. И судьба оказалась весьма благосклонной к этому «мальчику», не угадал здесь твой Грачев. Он не погиб, уцелел вопреки его «пророчествам», приобрел за это время неплохой жизненный опыт. Даже с турками успел повоевать! И уже далеко не тот, привычный нам восторженный юноша с горящими глазами и томиком Пушкина в руках. Он действительно хочет изменить существующее положение дел. И может. Пока горяч сердцем и честен душой...

— Ты... Боишься? — осторожно произнесла мать после длинной паузы, глядя сыну в глаза.

— Не за себя... — Николай словно стал ниже ростом после этих слов, сгорбился чуть заметно, но не отвел глаз от требующего ответа твердого взора матери. — За детей, за Аликс... Если моя смерть нужна России, если она поможет избежать грядущего кровопролития, то я готов пожертвовать своей жизнью. Это мой долг, как офицера, как государя, как порядочного человека, в конце-то концов! Но при чем тут дети? Или Алек-

сей? В чем он виноват перед всеми этими людьми, так жаждущими его крови? Тем, что недостаточно настрадался из-за своей болезни?

— Николай, я не знаю, что тебе сейчас сказать... Очень уж это неожиданно... Ты останешься здесь или уедешь?

— Уеду в Крым... Я уже отправил туда Аликс и детей.

— До меня дошли слухи, что ты вызвал Григория?

— Даже моя личная переписка всем доступна, — по губам Николая скользнула едва заметная горькая усмешка. — Не волнуйся. В столице он не появится, а сразу поедет в Ливадию. Я хочу, чтобы он всегда был рядом с Алексеем. Он ведь единственный среди этого окружающего нас сонма бездарей, кто может действительно помочь. Надеюсь, что теперь старец никому не помешает и к нему, да и к нам, будет гораздо меньше пристального внимания...

— Надеюсь. Хм, и ты еще что-то говоришь о моем якобы «протеже», — улыбнулась Мария Федоровна. — Я тебя не спрашивала раньше, но теперь... Скажи, почему ты так привечаешь этого, гм, Григория и совершенно не выносишь Грачева?

— Не знаю. Мне по большому счету нет никакого дела до Грачева. А не терплю, наверное, по той же причине, по которой и Павел, и Александр не терпели всех этих «предсказателей» рядом с собой! Они никогда не предсказывают хорошее, только скорую смерть! В Петропавловке таким провидцам самое место! Это я еще про Марин-

кино проклятие ничего не говорю сейчас! — Николай отвернулся к окну, вгляделся невидящим взором в стекло, в свое отражение. Помолчал, успокаиваясь и унимая вспыхнувшее раздражение и злость, выдохнул, отшагнул от окна, развернулся и поднял голову. Задержался взглядом на гербе Романовых над камином, перевел глаза на портреты членов Императорской фамилии. Продолжил: — А Грачев пусть тебе спасибо скажет, что твоим заступничеством в подвальных казематах не оказался... Григорий же... Старец для Алексея все сделает! Только из-за одного этого его рядом и терплю...

Глава 1

Погода в Петрограде стояла пренаипакостнейшая. Крепкие предновогодние морозы постепенно пошли на спад, январь раскис слякотью, сменяющейся гололедом, а знаменитые февральские морозы где-то точно заблудились.

В начале марта Нева начала потихоньку просыпаться от зимней спячки, все активнее и активнее ворочаться в своем каменном ложе, понемногу сбрасывая с себя надоевшее ледяное одеяло. До ледохода дело еще не дошло, но вот пересекать реку по льду было уже рискованно. Нашлись, куда же от них денешься, смельчаки, перебиравшиеся по каким-то особо важным нуждам на другую сторону реки, но их были единицы. А остальные смотрели на них с интересом, мол, провалится или нет? Крутили у виска пальцем и, плюнув, предпочитали потратить пусть чуть больше сил и времени, но добраться до надежных каменных мостов.

Ночами морозы еще брали свое, пытались хоть немного наверстать упущенное и всеми своими силенками затянуть бурливую стылую воду ледяной пленкой, но силенок тех уже не хватало. И на утро ледяная пленка быстро размывалась,

топорщилась на заломах прозрачными блестящими гранями. А торжествующая река чувствовала приближение весны, с каждым новым днем все сильнее и сильнее рвалась на свободу, выплескивала накопившееся раздражение из-под ледяного панциря наружу, выхлестывалась и растекалась по его поверхности огромными черными кляксами.

Мокрый и от этого еще более холодный ветер с залива нес с собой серую хмарь низких облаков, закручивался недовольно серой ватой вокруг золоченого адмиралтейского шпиля и срывался колючими смерчами в прямую перспективу столичных проспектов и улиц. Рассыпался там зарядами мокрого снега, забирался под одежду горожан, продувал тело до самых костей, заставляя прохожих ускорять шаг и ежиться от стылого колючего озноба...

На заводской аэродром наш самолет садился как раз под полуденный пушечный выстрел. Слышать мы его, конечно, не слышали, но вот белое облако выстрела на фоне темной крепостной стены увидели. При заходе на посадку. Как раз в этот момент проходили на траверзе Петропавловки, нарушая тем самым все приказы и установки столичного начальства. Полеты-то над городом запрещены...

Только вот думаю, что никто на подобное нарушение и внимания не обратит. Не до того сейчас чиновникам и вообще всем власть имущим. Им бы хоть как-то умудриться на своих креслах усидеть...